Углядел поп и зеркало. Подошел и с удовольствием стал всматриваться в свое отражение. Волосы русые под скуфьей свалялись, но лицо чистое; серые глаза под сросшимися бровями посажены глубоко, смотрят дерзко; нос не длинен, не короток — в меру; могучий подбородок бороду вперед подает. Расправил Аввакум плечи, однорядка на груди натянулась — бог ни силой, ни ростом не обидел...

Заметил в зеркале движение, обернулся. Стоят двое, улыбаются, смотрят. Одного, с медным крестом на груди, Аввакум сразу узнал. Иван Неронов. Только постарел он — борода вся седая. И то сказать, давно шестой десяток пошел. А второй, в белом кафтане и красных сафьянных сапогах, совсем молод, лет двадцать будет, еще бороды хорошей не завел...

Молодой стер с лица улыбку и смиренно подошел к Аввакуму.

— Благослови, отче.

Федора Ртищева, своего преданного слугу, любил не только царь. Никогда он не лез на вид, никому местом своим глаза не колол, всех врагов примирить старался, правду говорил не злобно, всем обидчикам своим прощал и даже на поклон к ним ходил, смиренно-мудрый.

— Наш, Аввакум сын Петров, из нижегородских пределов, — сказал Неронов со значением, и Ртищев обласкал взглядом.

— Вот, прибрел, — начал рассказывать Аввакум. — Сын боярский Иван Родионов двор у меня отнял, а меня выбил, всего ограбя, за единогласие. Да и иные сетуют — долго-де поешь единогласно, нам-де дома недосуг...

Ртищев с Нероновым переглянулись. Уж не раз Ртищев докучал о том царю Алексею Михайловичу и патриарху Иосифу, да патриарх, опасаясь, как бы церкви от долгой службы не запустели, все разрешает петь «в два, а по нужде в три голоса».

— Ничего, дай срок, найдем управу на твоего Ивана Родионова...

9

Неронов сводил молодого нижегородца к царскому духовнику Стефану Вонифатьеву. Приветливо встретил Стефан земляка, благословил образом святого Филиппа митрополита и подарил книгу проповедей и поучений Ефрема Сирина, только что полученную с московского Печатного двора. Аввакум прочел ее не отрываясь и ходил как в тумане несколько дней. Сирийский проповедник навевал настроение тревожное, пугал концом мира и пришествием антихриста.

Прошло некоторое время, приодели Аввакума и повели на «верх», к государю. Алексей Михайлович, которому тогда было всего восемнадцать лет, еще не приобрел мужественной уверенности и больше слушал журчащую благостную речь своего духовника, драматически напряженные рассказы картинного Никона, яростные обличения Неронова, дельные замечания Морозова. Сказал слово и Аввакум. Может, он говорил о поразивших его страницах Ефрема Сирина, читал их на память и обнаружил свой дар вплетать в богословские рассуждения примеры из виденного. И делал это так красочно, что тысячелетние церковные проблемы тотчас обрастали родной русской плотью, а события реальные получали апокалипсическое звучание. Во всяком случае, сочная и страстная речь его не осталась незамеченной, и «государь почал с тех мест знати» его.

Аввакум «прибрел к Москве» не без тайной мысли получить повышение и заручиться поддержкой для расправы со своими врагами. Сбылось только последнее. «Отцы» Стефан с Иваном послали его «паки» на старое место, в Лопатищи, но с грамотой, которая должна была привести в трепет местных начальников.

Ревнители благочестия еще не были всесильны. Но великие перемены уже надвигались. Не пройдет и года, как Неронов стараниями Вонифатьева и Ртищева окончательно переберется в Москву и станет протопопом Казанской церкви на Красной площади. Никон же будет поставлен

митрополитом в Новогород, получит самую обширную епархию на Руси и станет богаче самих Морозовых, Юсуповых и Строгановых. Через три года патриарх Иосиф будет жаловаться царю, что не он, а Вонифатьев с его окружением распоряжаются церковными делами.

10

А пока Аввакум «притащился» на старое пепелище. Почти год ушел на обзаведение новым хозяйством. Сельский священник от службы и с церковной усадьбы получал доходов рублей с тридцать. Деньги по тем временам немалые, если бы не обзаведение, не громадная семья и не десятая часть, полагавшаяся епископу. Собирали налог чиновники из архиерейских дворян и боярских детей, наглые, с попами не церемонившиеся, безобразники и вымогатели. Такой всегда найдет какой-нибудь непорядок и урвет втрое.

Пришлось расстаться с «Поучениями Ефрема Сирина», с книгой, подаренной отцом Стефаном. Обменял ее Аввакум на лошадь, которую поручил заботам пятнадцатилетнего брата Евфимия. Долго потом жалел Аввакум об этой сделке и вовсе не потому, что продешевил — лошадь стоила полтора рубля, а на «Поучения» цена в Москве в овощном ряду до трех рублей подскочила. Не богоугодное это дело, да и книга самому нужна — хороша книга. Не раз он собирался вернуть деньги двоюродному брату, тоже попу, у которого была теперь книга, да все нужда не пускала...

Аввакум поклялся «отцам» в Москве, что будет ревновать во Христе и стараться о благочестии. Однако его усердие снова «воздвигло бурю».

Пришли летом в село Лопатищи скоморохи с плясовыми медведями, с бубнами и домрами народ потешить. Остановились у околицы, хари напялили, играют, языки чешут. Медведи, подняв передние лапы кверху, топчутся, кружатся... Народ смеется, полушки в колпаки скоморо-

хам сыплет. И тут откуда ни возьмись лопатищинский поп, Полтора Ивана, могучий, налетел с палкой на скоморохов, бубны и домры вырвал, изломал. Громадные медведи стали рычать. Поп на них — одного палкой по голове так ударил, что тот с лап долой, еле ожил потом; а другого отнял у скоморохов и в поле отпустил.

Скоморохи кинулись в Работки, где в это время пристали корабли большого боярина Василия Петровича Шереметева. Он с сыном, с людьми своими и стрельцами плыл по Волге в Казань, куда назначен был царским воеводой. Скоморохи ему челом бьют: так, мол, и так, изобидел поп Аввакум.

Воевода нахмурился. А ну, подать сюда попа! Ишь, еще молодой, а ханжа. Московским святошам уподобляется. Те так совсем царя от света отгородили. Протопоп благовещенский говорит всюду, что самого Бога Саваофа видел. Беса он видел, а не Бога! Единогласие с Федькой Ртищевым в московских церквах заводят — ноги гудом гудят от стояния... Протопопа Ивашку Неронова, что ныне в Казанской слюной брызжет и народ смущает, Федор Шереметев, когда в Нижнем воеводою был, недаром в тюрьме держал и приказывал бить нещадно батогами. Да, видно, битому неймется...

Ярость в боярине уже била через край.

А тут еще Иван Родионович, непременно встречавший большого боярина в Работках, наклепал на Аввакума и жару подбавил.

Долго бранил Шереметев попа, которого стрельцы приволокли к нему на судно. Потом взгляд его упал на сына Матвея, ровесника и любимого стольника царя. Матвей с любопытством рассматривал попа-богатыря, о котором он уже был наслышан от старшего брата Петра. Брат года с три тому назад женился на дочери стольника Федора Волынского, владельца села Григорова.

Скользнув взглядом по бритым щекам своего щеголеватого сына, боярин хитро прищурился. Вспомнил, как сам скоблил щеки, когда был помоложе, и как еще при патри-

архе Филарете святоша Ивашка Неронов за обедом у царя стал поносить его и других бояр, кричал, что бритье — обычай иноземный, варварский, и что они похожи на девок-шлюх, которые, потрясая рогожными подстилками, называют честных христиан... Намек на мужеложество был до того обидный, что тогда они еще в сенях сбили Ивашку с ног и, ухватя за бороду, выволокли на двор. Отвозили как надобно. Новый государь по наущению того же Неронова считает бритье еретичеством.

— А ну-ка, попе, благослови моего младшенького, — приказал боярин, весельчак и умница, что было отмечено даже секретарем гольштинского посольства Адамом Олеарием в его знаменитых записках.

— Не дам благословения, — глухо, но твердо сказал Аввакум. — Господь создал нас по образу своему. — Он ткнул пальцем в сторону Матвея. — А се образ блудолюбивый. Какого врага и еретика послушав, бороду-то остругал?

Боярин был доволен.

— В воду его, стрельцы! — закричал он. — В воду его! Утопить как щенка!

Аввакум мигом оказался в воде. Плавал он, как всякий волжанин, хорошо, да только люди боярские не дали уплыть. За волосы схватили и ну окунать. Протомили долго, пока весь не посинел и пузыри не стал пускать. Потом отпустили.

11

Ревнители благочестия торжествовали. Добились они царского указа, запрещающего игры скоморохов. И музыкальные инструменты велено было из домов изымать и сжигать. И жгли, жгли, жгли возами, но так и не могли вывести веселья на Руси.

Ощущая поддержку из Москвы, лопатищинский поп действовал круто. Мог и прибить, и на цепь посадить. Ох,

и ненавидели же его те миряне, что заскучали от такого житья.

Правда, единогласия ревнители не добились, хоть и ругал на соборе царский духовник Вонифатьев бранными словами епископов в присутствии царя и патриарха.

— Волки и губители! — кричал он.

Но епископы не собирались отпугивать прихожан единогласием от церкви и лишаться доходов. Они потребовали предать Вонифатьева суду за оскорбление, однако царь не разрешил...

Не мытьем, так катаньем ревнители добивались своего. Постепенно у кормила церкви становятся нижегородские знакомцы Аввакума. Никон — митрополит новгородский. Бывший игумен Макарьевского монастыря Корнилий — митрополит казанский. Кто архиепископом стал, кто епископом... А на соборе 1651 года введено было и единогласие... По шесть часов длились церковные службы на Москве. Ноги у всех болели, спины разламывало, а что поделаешь — царь с царицей тоже стоят...

Некогда послов князя Владимира пленила красота храмов и стройность византийской церковной службы. Ревнители благочестия во главе с царем добились еще большей стройности у великолепия, ввели растяжное наречное пение, а уж об украшении церквей в стране, где многие крестьянские избы были произведениями искусства, и говорить не приходится.

Казалось, всюду преуспевали ревнители — даже в своих намерениях сократить пьянство на Руси. Указ 1647 года ограничил продажу вина и предписал закрывать по праздникам кабаки. Никон ратовал за государственную монополию и у себя в новгородской епархии запретил продажу водки во время масленицы и поста. В Костроме друг Неронова протопоп Даниил вообще добился закрытия кабаков. Протопоп Логгин в Муроме, Ярмил в Ярославле, священник Лазарь в Романове-Борисоглебске — все они яростно проводили в жизнь начертания москвичей, читали при-

хожанам книги, вербовали сторонников. Но недовольных было больше. Горожане откровенно выражали свою ненависть, а воеводы делали вид, что не видят назревавших бунтов.

12

Строптивый характер Аввакума раздражал начальников. Некий Евфимей Стефанович приехал со своими людьми к его двору, «стрелял из луков и из пищалей с приступом».

На другой день обидчика скрутила какая-то хворь. Прибежали от него звать Аввакума:

— Батюшко государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно. Бьет себя и охает, а сам говорит: «Дайте мне батька Аввакума! За него бог меня наказует!»

У Аввакума душа в пятки ушла. Думал, обманывают его, выманить хотят. Либо задушат, как митрополита московского Филиппа, либо зарежут, как зарезал царь Ирод отца Иоанна Предтечи — пророка Захарию...

Поехал все-таки. На дворе Неонила, жена начальника, встречает.

— Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!

«Чудно! — удивлялся Аввакум. — Давеча был блядин сын, а топерва — батюшко!..»

Неонила ввела его в горницу. Евфимей Стефанович сполз с перины и бух в ноги Аввакуму. Тот уже совсем овладел собой и грозно вопросил:

— Хочешь ли впредь цел быть?

— Ей, честный отче!

Евфимей Стефанович не мог даже встать с полу. Аввакум поднял его на руки, как ребенка, уложил в постель, исповедал и помазал маслом. Он не раз уже пользовал так больных, и некоторые выздоравливали. Вскоре начальник поправился, и Аввакум еще больше уверовал в целительную силу помазания лампадным маслом, как верили в це-

лительную силу возложения рук средневековые французские короли.

Но тех, кому досадил Аввакум, становилось все больше, и они изгнали его из Лопатищ окончательно. Ему было уже за тридцать, когда он «вдругорядь сволокся к Москве».

13

На сей раз Аввакум получил в столице поддержку не только моральную. Своего усердного сторонника ревнители благочестия ввели в дворцовый круг. Он был обласкан царем, получил доступ в женскую половину дворца, где восхищал царицу Марию Ильиничну и ее боярынь своим богатырским видом, пугал горящим взором и натуралистическими рассказами о своих страданиях. Пользуясь все возраставшим авторитетом, он пристраивал младших братьев — кого попом в дворцовую церковь, кого псаломщиком. Сами бояре поглядывали на него с опаской — вхож к царю, мало ли чего наговорит. Шереметевы, ежедневно бывавшие «в сенях» перед царскими палатами в ожидании выхода государя, поспешили помириться, «прощались» с Аввакумом. Жена Василия Петровича даже стала потом духовной дочерью Аввакумова брата, попа Благовещенского собора Герасима.

Вскоре Алексей Михайлович повелел поставить Аввакума протопопом в Юрьевец-Повольской. Протопоп — это высший сан, которого мог достигнуть «белый поп». Аввакум очень гордился — ведь и царский духовник Стефан был протопопом. В Юрьевец он выехал со всеми своими чадами и домочадцами — человек двадцать семьи и слуг кормилось теперь Аввакумовой службой.

Юрьевец, родина Ермака, был построен князем Юрием Всеволодовичем у слияния Унжи с Волгой еще в XIII веке. Ныне большая часть города лежит ниже уровня Горьковского моря, волны которого бьются о громадную дамбу,

вознесшуюся над домами. Валы и рвы старой крепости на Георгиевской горе поражают своими циклопическими размерами, но и во времена Аввакума они уже были всего лишь исторической достопримечательностью, Новая крепость — деревянный острог — стояла на Предтеченской горе. Меж крепостей, на Пятницкой горе — стрелецкая слобода в сорок пять дворов. Внизу, на посаде — дворы воеводы, земского старосты, дьяков, судей, тюремного начальника и палача Никитки Сидорова. Тут же соборная Входоиерусалимская деревянная церковь. Один из юрьевецких протопопов жаловался, что «тюремное место... близко церкви, и от тюрьмы дух бывает и всякая нечистота течет», и просил перенести застенок.

В Юрьевце было еще тринадцать церквей, подначальных протопопу, два женских и четыре мужских монастыря с сотней монахов и монахинь, 57 лавок, 16 кузниц, 13 рыночных полков... Юрьевчане ежегодно давали «в обиход» царя и патриарха 21 осетра, 50 белорыбиц, 70 больших стерлядей, которые отправлялись в столицу живыми в «прорезных» стругах по Оке и Москве... Горожане торговали хлебом, мясом, крашениной, железом, щепетильным товаром... И всякий в этом большом городе — и попы, и их прихожане — был обложен разными податями, за исправное внесение которых в казну патриарха приходилось отвечать и протопопу, потому что город входил в патриаршую область.

Утвердившись в пятиглавой соборной церкви, при которой была колокольня «на столбах» с шестью колоколами и «часами боевыми», протопоп Аввакум сразу же понял, что в богатом Юрьевце не хватает, с его точки зрения, главного — благочестия.

Скоморохи и медведи живут здесь припеваючи. Возле Богоявленской церкви у могилы Симона блаженного, ходившего, по преданию, по воде через Волгу, кликушествуют лживые пророки. Дети боярские в корчмах в зернь до исподнего проигрываются, а потом кирпичами друг другу

головы проламывают. Многие невенчанные живут, в церковь не ходят. А откуда порядку быть, если сами попы на стороне «похоть исполняют», если мужики с женками в одних банях моются, и туда же монахи с монахинями...

Суров оказался протопоп к вольным нравам Юрьевца. Ни дня от него нет покою горожанам. Спит он мало. Встает задолго до света, добудет огня и книгу читает. Заутреня приспеет, пономаря не зовет, сам идет звонить. Пономарь бежит со всех ног. Отдав ему колокол, Аввакум идет полуношную служить. До заутрени успевает сказать обличительную речь. Заметит среди прихожан провинившихся, заставляет прощенья просить. Наказывает. А «который дурует, тот на цепь добро пожаловать».

— Не раздувай уса — тово у меня, — скажет Аввакум и потрясет громадным кулаком.

Заутреня у него длинная; у всех дела, а не уйдешь. Потом возьмет у воеводы пушкарей, которые за военной ненадобностью превратились в блюстителей порядка, и пойдет по городу искать провинившихся. Попов блудливых за бороды таскает, из сожительствующих незаконно пар «подвенечную пошлину» выколачивает. Обедню отслужит и читает поучение. После обеда отдыхает часа два — в это время по улицам хоть шаром покати, вся Русь спит. Поужинав после вечерни, Аввакум долго молится, кладет поклоны. Погасит свет и в потемках еще поклонов с тысячу сделает. И протопопица Настасья Марковна с ним, если «робятка у нее не пищат».

14

На восьмую неделю пребывания Аввакума в Юрьевце горожане не выдержали. Сперва увещевали протопопа, жаловались воеводе Денису Максимовичу Крюкову, но тот сам недавно был назначен из Москвы и Аввакума слушался.

Тогда разразился бунт.

Тысячи с полторы человек бросились к патриаршему приказу, где протопоп вершил свои дела. Мужики с палками, бабы с ухватами, попы всех четырнадцати церквей вытащили Аввакума на улицу, били, топтали и полумертвого бросили под избной угол.

Воевода наскоро собрал пушкарей, живших тут же в посаде, и бросился на выручку. Разыскав Аввакума, они умчали его на лошади в протопопов двор. Узнав об этом, горожане снова взволновались и подступили к двору, у которого воевода выставил заслон из пушкарей.

Особенно неистовствовали попы и женщины, которых протопоп «унимал от блудни».

— Убить, убить вора!.. Да и тело собакам в ров кинем! — кричали они.

Лишь на третий день Аввакум немного оправился и, покинув жену, детей и домочадцев, ушел к Москве.

Путь его лежал через Кострому, где он узнал, что местного протопопа, ревнителя благочестия Даниила, взбунтовавшиеся костромичи с попами и скоморохами во главе били смертным боем в присутствии умывшего руки воеводы Юрия Аксакова. И случилось это едва ли не в один день с событиями в Юрьевце.

Оборванный, измученный Аввакум тотчас явился к Стефану Вонифатьеву, но сочувствия не нашел.

— А почему ты церковь соборную покинул? — спросил его осуждающе протопоп Стефан, но оставил ночевать у себя.

Ночью зашел к своему духовнику благословиться царь Алексей Михайлович. И, увидев Аввакума, вспылил:

— А почему ты город покинул?!

Со всех сторон оказался виноватым Аввакум. И ко всему кручина — как там, в Юрьевце, жена, дети, домочадцы? «Неведомо — живы, неведомо — прибиты!.. Горе!»

Чего добился в жизни Аввакум? Прихожане его ненавидели. Милость сильных он, казалось, потерял.

15

В середине XVI века пала Казань. А к середине XVII были пройдены Сибирь и часть Дальнего Востока.

Уже срублены на новых землях города. Уже дала хлеб сибирская земля. Всего за сто лет создано самое большое в мире государство. Освоено пространство, которое давало русской нации возможность готовить себя для великой будущности.

Чем объяснить этот взрыв? Что заставляло землепроходцев подвергать себя неисчислимым страданиям и лишениям? Только ли стремление к наживе и железная воля воевод? Почему русские люди того времени были полны чувства собственного достоинства и даже надменны в своих отношениях с европейцами? Вспомним хотя бы, как трудно было послам добиться приема у царя. Или обычай мыть руки на глазах у послов после рукоцелования, что вызывало у иностранцев скрежет зубовный.

Не ответив на эти вопросы, нельзя понять раскола, нельзя понять пути, который привел Аввакума и многих других к духовному бунту и смерти на костре.

Говоря о могуществе Московского царства XVII века, приводят немало примеров полной подчиненности всех и вся интересам державы, указывают на абсолютную власть московских государей.

Но одним этим объяснить успехи московитов нельзя. В поисках ответа углубимся в историю еще на два столетия.

Московская Русь, собиравшаяся Иваном Калитой, вдохновленная идеями независимости, упрочившая свое положение победой на поле Куликовом, отстраивалась заново и расцветала. Крохотное княжество, казавшееся незаметным рядом с Литвой, Золотой Ордой и Новогородской республикой, очень быстро стало крупным государством. Василий Темный бывал в плену у татар и своих родственников, а союза с его сыном Иваном искала Священная Римская империя.

Прежние идеи сыграли свою роль, теперь нужна была новая идеология, которая отвечала бы чувству силы и превосходства, новым ощущениям, навеянным недавними победами.

И такую идеологию создали. По сути своей религиозная (другой в ту эпоху и быть не могло), она была направлена на воспитание патриотического чувства.

Как только турки взяли Константинополь (1453 г.), великого князя Василия Васильевича Темного стали называть «благоверным и боговенчанным царем», считая его преемником римских цезарей и византийских базилевсов. По легенде, Римскому царству, в котором родился Христос, предназначено было существовать до скончания века. Но Рим погиб, и Царьград называли вторым Римом. Теперь пришло время Москве стать Римом третьим.

За полтора десятка лет до падения Второго Рима византийские император и патриарх признали верховный авторитет папы. Москва же тогда отвергла унию с Римом. Вера в особое положение русского народа сложилась уже в первый век после принятия христианства. В «Слове о законе и благодати» (XI в.) митрополит Иларион утверждал равноправие Руси с Византией.

Около 1461 года в «Слове об осьмом соборе» после описания гибели Царьграда гордо возвещалось: «...а наша русийская земля... растет и возвышается».

Иван III женится на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог и принимает новый герб — черного двуглавого орла, соединив его с прежним московским гербом — изображением Георгия Победоносца. Подготавливается обоснование права великих князей на царский венец. В легендарно-публицистическом сочинении о великих князьях Владимирских рассказывается, как император греческий Константин Мономах «снимает же от своея главы царский венец» и дарит Владимиру Всеволодовичу, «посылает же и ожерелие, сиречь святыя бармы». Иван Грозный уже выводил свой род от Пруса, брата рим-

ского цезаря Августа. Прус, мол, правил Пруссией, и будто бы оттуда пришел его потомок Рюрик.

На Ивана Грозного и был впервые официально возложен царский венец. Русская церковь стала считать себя первенствующей во всем православном мире. Сочинена была «Повесть о Белом Клобуке», дарованном будто бы императором Константином папе Сильвестру; из Рима клобук[1] позже попал в Константинополь, многие века бывший центром православия, а оттуда передан в Новгород, в «светлую Росию». Стоглавый собор 1551 года провозгласил тридцать новых, русских, святых.

«В Третьем же Риме, еже есть на русской земле — благодать святого духа воссия».

Лет через пятьдесят после взятия Константинополя турками старец псковского Елеазарова монастыря Филофей писал великому князю Василию Ивановичу: «...блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася во твое едино, яко *два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти:* уже твое христианское царство инем не останется, по Великому Богослову...»

Филофей верил, как и многие другие в то время, в конец света, считал русское царство последним царством в истории и был уверен, что с гибелью Руси придет конец и всему миру.

А раз четвертому Риму не быть, то и сама Москва — третий Рим — должна стать красивейшим городом в мире. В том, что она раскинулась на семи холмах, как Рим и Царьград, наши предки видели знамение. Теперь уже известно, что Москва в XVI и XVII веках строилась не стихийно, а по единому плану. Как и у апокалипсического «горнего Иерусалима», у Москвы было «с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот». Высота колоколен, башен, пропорции зданий — все было строго соразмерно и символично.

---

[1] Клобук — высокий монашеский головной убор с покрывалом.

Никому не разрешалось возводить палат выше трех этажей, дабы не загораживать вид на храмы и не портить цельной картины. За десяток километров путнику открывалось великолепное зрелище — тысячи цветных церквей, стекавшихся к Кремлю.

Москва была явлением единственным в своем роде...

16

Учреждение патриаршества на Руси было крупной победой искуснейшего политика Бориса Годунова. В документе, подписанном константинопольским патриархом Иеремией от имени православного Востока, есть упоминание о Третьем Риме.

Четыре восточных патриарха — константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский — прозябали под властью турецких чиновников. Они пресмыкались перед турецкими властями, занимались интригами. Бывали годы, когда очередной патриарх и месяца не мог усидеть на престоле — соперники пускали в ход клевету, наветы и даже яд...

В России авторитет некоторых греческих иерархов стоял очень невысоко. Они приезжали в Москву клянчить деньги, иконы, облачение. И сами привозили якобы старые иконы, книги и мощи, а в действительности подделки, сфабрикованные самими «святыми отцами». Патриарх Макарий Антиохийский как-то выторговал соболей на шесть тысяч рублей. Но наезды были часты, и русское правительство даже нормировало «милостыню» — патриархам давали не более двух тысяч рублей, епископам поменьше, и так по нисходящей. В свите патриархов приезжали купцы и всякие авантюристы, которым для того, чтобы побольше получать подарков в богатой Москве, присваивались духовные звания. Греки занимались всевозможным мошенничеством, продавали стекляшки, выдавая их за драгоценные

камни. Иерархи торговали разрешениями на развод, духовными званиями... и, по выражению Крижанича, готовы были «продать нам тысячу раз Христа, коего Иуда продал лишь один раз».

Но если отношение к грекам порой было полупрезрительное, то дело с греческими книгами и обрядами обстояло не так просто. С греческих первоисточников когда-то были сделаны переводы священных книг, греческие обряды вошли в обиход русской церкви. И хотя после падения Константинополя многие наши книжники утверждали, что теперь не русским следует учиться у греков, а грекам у русских, единого мнения об этом не было как в прежние времена, так и у ревнителей благочестия во времена Алексея Михайловича.

Царь, Ртищев, Никон, общавшиеся с греками, считали, что русские церковные книги испорчены и потому нуждаются в исправлении по греческим подлинникам. Эта традиция шла от Максима Грека, через Филарета, Дионисия. Знатоков греческих текстов в России было мало. Пытаясь наладить работу с греческими подлинниками, Федор Ртищев пригласил из Константинополя в Москву архимандрита Бенедикта, считавшегося доктором богословия. Но он оказался жуликом, подделавшим бумаги, которые удостоверяли его личность.

17

Западная Русь, входившая в состав Речи Посполитой, упорно боролась с угнетателями, которые стремились окатоличить православное население. Под покровом «религиозных одежд» велась яростная полемика с иезуитами по всем важным проблемам — национальным, общественно-политическим и культурным. Западнорусскими православными писателями был накоплен громадный опыт, которым не замедлила воспользоваться Москва. На церковнославянский язык были переведены и опубликованы в Москве та-